

Когда я уселся за ещё чистый лист бумаги, я вдруг поймал себя на том, что даже не помню, как и когда мы познакомились с Малиновским. Помню лишь, что впервые увидел его в теперь уже далёком девяносто третьем году. Это было в декабре

в одной из квартир дома на Иртышской набережной, где собирались литераторы только что созданного Омского отделения Союза российских писателей. Я впервые пришёл в писательскую организацию со своими бумажками в надежде впихнуть, подсунуть их кому-нибудь для прочтения, услышать критику и, конечно же, в очередной раз убедиться в своей исключительности и даже, чего греха таить, избранности. А скажите, кто не ждал такой похвалы, когда начинал царапать свои первые придуманные строчки?

Я сидел в углу комнаты и слушал обсуждение прозы одного уже не молодого писателя. Прозу эту терзали, громили, бомбили, и, вероятно, весьма справедливо. Но и защищали и оберегали тоже. Помню, защищал и оберегал того автора один худощавый седой, интеллигентного вида пожилой человек с тросточкой, у которого, как говорится, «на роду написано» быть земским доктором, сельским учителем или писателем. Он говорил тихо и мягко, и казалось, разговаривал с одним только автором. Говорил о том, как хорошо у него получилось то-то и то-то, каким внимательным наблюдателем является автор, как помогает ему накопленный жизненный опыт, вот только нужно строже относиться к себе и, конечно же, учесть все справедливые замечания и работать дальше.

Я поинтересовался, кто такой этот умный дядька, который только что лил бальзам на душу не только тому несчастному счастливицу, но и мне, кому наверняка ещё предстоит испытать нечто подобное. Мне сказали:

– Это же Малиновский, Михал-Петрович,

«Так вот это кто...» – к тому времени я уже читал его «Мир по дороге» и знал печальную одиссею публикаций рассказа, увидевшего свет в своём первоизданном виде спустя более четверти века. Эта история так взяла за душу, что для меня Михаил Малиновский, уже по одному этому факту, являлся непременно классиком. А уж о том, что сам Малиновский снизойдёт до чтения моих «произведений», даже и не мечталось.

А между тем, многие годы Михаил Петрович курировал творчество молодых литераторов. Их всегда оказывалось так много, что невольно возникал вопрос: как он с ними со всеми справляется? Но он справлялся. Так же в своё время он справился и со мной. Он вычитывал, «ковырял», делал на полях замечания, правил – всегда карандашом – и стихи, и то, что мало-мальски можно было назвать прозой. А если рукопись была уж слишком слабой, Малиновский находил время поговорить с автором наедине, а не выносить на публичное обсуждение. Я это знаю: когда меня стали привлекать к работе с молодёжью, Михаил Петрович в таких случаях советовал:

– Саша, вот этого автора не надо пока обсуждать, с ним нужно поговорить один на один. Только поделикатней.

Я помню эти слова Малиновского всегда, когда вижу перед собой начинающего автора и лежащую между нами рукопись.

Некогда, давным-давно, аж в девятнадцатом веке, жила в России одна удивительная писательница и педагог Елизавета Николаевна Водовозова. Так вот она сказала как-то примерно следующее: «Блажен, кто говорит начинающему писателю слова одобрения. Потому что его будут помнить и поминать добрым словом всегда». «Блажен» здесь в значении «счастлив». Эти слова с уверенностью можно адресовать Михаилу Петровичу Малиновскому.

Но это не значит, что Малиновский только и делал, что нахваливал да нахваливал своих подрастающих коллег. Нет, он совершенно справедливо указывал на недостатки и неточности, проживал вместе с автором жизни созданных персонажей, критиковал и давал необходимые советы. А один мой рассказ он правил-правил, вычёркивал-вычёркивал и, наконец, своим не совсем разборчивым почерком сделал размашистую запись: «В огороде бузина, в Киеве дядька...». Как сказал бы известный киношный персонаж: «Обидно, ну?»

Существует такой неписанный закон: чтобы понять произведение художника, нужно взглянуть на него – произведение –

глазами автора. Малиновскому это удавалось. Ведь разглядел же он в тогда ещё сырой и, само собой, несовершенной рукописи начинающей писательницы Алисы Поникаровской нечто рациональное. Помог расставить акценты в разрешении имеющейся проблемы в самом замысле произведения; определить истинные человеческие ценности в будущей повести-предупреждении «По дороге в рай».

Справедливости ради следует сказать, что не только Михаил Малиновский с пониманием и теплотой отнёсся тогда к работе Алисы над повестью. Рядом находились и Александр Дегтярёв, и Александр Лейфер. И какое это, скажу я вам, счастье – оказаться вдруг в кругу старших товарищей и к тому же единомышленников.

Я помню, как в девяносто седьмом году появился третий выпуск сборника «Складчина» с напечатанной в нём повестью «По дороге в рай». Малиновский на всех презентациях считал чуть не своим долгом говорить о повести, популяризируя её.

Мне кажется, он чувствовал большую ответственность за будущую литературную судьбу каждого молодого автора и потому подходил к делу со всей строгостью и профессионализмом, буд-то кроме него этого никто никогда не сделает.

Он интуитивно чувствовал писателя или поэта. И не только начинающего. Интуиция его почти никогда не подводила. Не думаю, что буду не прав, если скажу, что именно Малиновский заставил поверить и окончательно убедил уже состоявшегося поэта Галину Кудрявскую в её потенциале как прозаика: начиная с дебютного рассказа «Митроха» этот потенциал стал реализовываться с удивительной быстротой. И, думаю, Малиновский сам был удивлён степенью взросления прозы Кудрявской. А спустя годы он ей признавался: «...И хоть ты и возражаешь, Галя, но я всё же скажу. Мне очень дорого то, что ты делаешь в литературе. Это созвучно моей душе. Я с нетерпением жду, чем ты порадуешь ещё меня как читателя». И дальше: «Спасибо, Миша, ты для меня в творчестве добрый советчик». Это из беседы Галины

Кудрявской с Михаилом Малиновским «Давай наговоримся про запас...» («Складчина», №2 (31), июль 2008). Ну? Разве не блажен, кто говорит слова одобрения?

Удивительно и то, какова разница в возрасте тех поэтов и писателей, кто по праву считает Малиновского своим наставником: кому-то уже далеко за шестьдесят, а кому-то нет ещё и тридцати. Но я никогда не слышал от него: «это мой ученик», «это мой подопечный». Он говорил: «Писатель не учит, у него учатся, если он состоялся, а чтобы состоялся – культура должна в нём жить. Духовно-нравственное начало, без него в литературе нельзя...» (там же).

Для Михаила Малиновского эти слова являлись неким постулатом, без которого невозможно безболезненно влиять на творчество и мировоззрение молодого писателя. И тогда выдуманная мной сейчас фраза «Малиновский не был моим учителем – я просто у него учился» перестаёт быть парадоксальной.

Я помню, как Михаил Петрович стал приглашать меня на собрания молодых литераторов в качестве своего неофициального помощника. Давал мне почитать рукописи, чтобы я был, как говорят нынче, «и в курсе и в теме». Я вычитывал, а потом мы с ним, ещё до собрания, делились впечатлениями от прочитанного. И уже на собрании, когда шло обсуждение того или иного автора, где-то в конце дискуссий слово брал Малиновский для подведения итогов. И снова, как и всегда, говорил он тихо и мягко, и в голосе его «слышался» интеллект. Особенно отчётливо запомнилось мне, когда он почти, что называется, на пальцах объяснял присутствующим, что такое рассказ.

– Слушайте, ребята, я понимаю, когда вы пишете, вы и не задумываетесь о том, что вам написать, рассказ или новеллу. То есть не задумываетесь о жанре. Да об этом особенно-то и не надо думать. И как бы это выглядело? Только представьте: вот сидите вы и говорите сами себе: «А не написать ли мне новеллу? Пожалуй, нет. Напишу-ка я лучше рассказ!» Берёте и пишете. Но вот о чём никогда не нужно забывать: рассказ – это всегда событие. Какого бы

масштаба оно ни было. Напишите об этом событии – вот вам и рассказ.

И тут же приводил в пример «Капитал» Бунина. Эту миниатюру Михаил Петрович знал наизусть и считал её шедевром малой прозы. А после прочтения смеялся долго и от души, как всегда, почти не слышно.

– Замечаете, – говорил он, – как подсмотренное автором незначительное событие превращается в рассказ? Расставил акценты, закончил на нужной фразе и всё, но это «всё» знает только Бунин.

А Бунин Малиновский обожал! И «Капитал» я слышал от него не единожды на подобных собраниях.

* * *

Мне хочется вернуться к процитированной выше фразе Михаила Петровича, вернее, осторожно изъять из контекста несколько слов, не искажая смысла, сказанного им: «...а чтобы состоялся – культура должна в нём жить. Духовно-нравственное начало, без него <...> нельзя...»

Это ведь не только о писателе и литературе сказано. Это вообще о человеке. «Стержень должен быть», – говорил Малиновский. Свой духовно-нравственный стержень он нащупал давно, ещё в молодости, когда стал писателем. Или стал писателем, когда обрёл духовно-нравственное начало?

Как-то я был в гостях у Малиновского. Мы о чём-то говорили, закусывали... И тут Михаил Петрович показал мне старую пожелтевшую газету «Кожевниковский колхозник» органа райкома КПСС и районного Совета депутатов трудящихся Томской области за 7 ноября 1957 года, то есть в день сорокалетия Октябрьской революции. На последней полосе, рядом с праздничными стихами о «Мировой Республике Советов» и о первом спутнике, был помещён рассказ некоего Н. Чохова под названием «Сквозь туман».

– На вот, почитай, – и указал на Н. Чохова.

– А кто это?

– Да это я так подписывался, когда только начинал писать, – ответил он.

Я тут же прикинул, сколько же ему было лет в пятьдесят седьмом. Оказалось – двадцать четыре. Ну, всё ясно, подумал я: в двадцать четыре и амбиции, и завышенное самомнение, и это неслучайное созвучие – Чехов, Антоша Чехонте и, наконец, сам Н. Чохов. Я было принялся читать, но Михал-Петрович меня перебил:

– Нет, Саша, заberi с собой, дома прочитаешь.

– Ладно, я прочитаю и верну.

– Да не надо, может, когда пригодится.

А рассказ был о том, как зимним поздним вечером Илья Бутасов (так звали героя рассказа) в санях через тайгу возвращался домой: «Село отошло в туман. К дороге подступила тайга. Илья вглядывался в неё сквозь щель между воротом дохи и шапкой, словно хотел выяснить, какой в ней есть непорядок и как можно его уладить. Такое настроение было, что всё, казалось, принадлежит ему: и ночь, и туман, и тайга – всему он хозяин. Илья давно не испытывал такого полного ощущения своей силы. Он возвращался из центральной усадьбы колхоза, где на заседании правления его утвердили бригадиром строительной бригады». Плюс, дома жена, сын-пятиклассник, горячий ужин. А не испытывал он такого ощущения оттого, что помыкался за пятнадцать лет по свету в поисках лучшей и жизни, чем в захудалом сибирском колхозе, но так и не смог «попасть на нужную дорогу». Вернулся домой после долгих скитаний, работал, заслужил авторитет, и, как результат, доверие людей. Потому и тайга, и туман, и ночь – всё его, он всему хозяин!

Рассказ занимает всего-то полполосы районной газеты, но рассказано много. Всё в нём позитивно и оптимистично. А концовка рассказа совсем советская. Иные скажут: «Чистой воды соцреализм – флаг в руки, и вперёд, к новым свершениям». Да, пожалуй, внешне всё так. Я даже не стал бы произносить привычных оправданий: «Вы посмотрите, в каком году это было написано...» Но в рассказе помимо внешнего события (утвердили

бригадиром), присутствует и событие внутреннее: Такое настроение было, что всё, казалось, принадлежит ему: и ночь, и туман, и тайга. <...>. Илья давно не испытывал такого полного ощущения своей силы». Герой рассказа нашёл жизненный стержень, ощутил свои корни и принадлежность к тому месту, без которого так долго не мог «попасть на нужную дорогу».

Я тщетно пытался представить двадцатичетырёхлетнего автора, написавшего «Сквозь туман». Не получалось: всё у меня выходило семидесятилетний Малиновский, который якобы знал когда-то Илью Бутасова, да и написал о нём или взял и списал с самого себя – молодого.

Какое ценное качество в человеке – постоянство. Возьмите, прочитайте любое произведение Малиновского. В каждом из них вы, так или иначе, встретитесь с героем, ищущим самого себя. Ищущим и ещё не запоздавшим в своих поисках.

Говорят, масштаб личности, человека осознаётся окружающими только после его смерти. То есть тогда, когда он вдруг перестал присутствовать в нашей повседневной жизни, в которой делал то же, что и мы – его знакомые, коллеги, друзья, близкие: спал, ел, курил... И вот нет его... Ушёл надоевший быт, рутина дел и забот, осталась только значимость того, что не умирает. А бывает и так, что ещё при жизни становится понятно, какого масштаба человек находится рядом. Это происходит тогда, когда «у него учатся, если он состоялся». Такой личностью как раз и был Михаил Петрович Малиновский.

И всё-таки трудно писать о людях не эпатажных, не производящих фуроры и скандалов, не плетущих интриг, и не придурковатых. Трудно писать о людях нормальных – не смешно и даже не весело. И есть опасение соскользнуть в панегирик. Но даже если со мной такое вдруг произошло, у меня есть оправдание: я писал от чистого сердца о светлом человеке. У меня даже есть единомышленник. Не помню точно – кто. По-моему, это была поэтесса Катя Сычёва, которая назвала некогда Малиновского «гениальное сердце».